Л. В. Луховицкий

**«ТЕ, КОГО СОЕДИНИЛ НЕ БОГ, НО ДИАВОЛ,
ДОЛЖНЫ ВМЕСТЕ ОТВЕДАТЬ ОДНИХ СТРЕЛ И РАН»:
ОБВИНЕНИЕ В ИКОНОБОРЧЕСТВЕ У НИКИФОРА ГРИГОРЫ**

Памяти проф. Х.-Ф. Байера

Аннотация: Никифор Григора первым их полемистов XIV в. выдвинул против Григория Паламы и его последователей обвинение в иконоборчестве, опираясь на сочинения Никифора Константинопольского, ложно приписанные Феодору Начертанному. В «Первых Антирретиках» и «Ромейской истории» он: 1. Обосновал правомочность использования антииконоборческих свидетельств в исихастских спорах; 2. Предложил оригинальную ересиологическую концепцию генетической и типологической связи между иконоборчеством и паламизмом; 3. Выстроил сложную систему политических аллюзий и исторических отражений, представив Паламу новым Евсевием Кесарийским, себя – новым Феодором Начертанным, а Иоанна VI Кантакузина – новым Феофилом.

Ключевые слова: иконоборчество, исихазм, ересиология, Григорий Палама, Никифор Григора, Никифор Константинопольский, Филофей Коккин, Евсевий Кесарийский, Феодор Начертанный, Иоанн VI Кантакузин

В памяти византийцев иконоборчество осталось последней великой ересью: ни одно еретическое учение последующих эпох не затмило его и не стало поводом для созыва нового Вселенского собора, а победа иконопочитания в 843 г. в византийском сознании стала тождественна торжеству православного вероучения в целом. Именно поэтому «Синодик в неделю Православия», в первоначальном виде созданный для посямления поверженных иконоборцев, в последующие века неоднократно дополнялся и оставался своеобразной летописью догматических споров до второй половины XIV в.¹

Вероятно, память об иконоборчестве не теряла актуальности по двум причинам.

¹ Gouillard J. Le Synodikon de l'Orthodoxie: édition et commentaire // TM. 1967. T. 2. P. 1–316.

Во-первых, участники иконоборческих споров VIII–IX вв. сделали все, чтобы связать волновавшую их иконологическую проблематику с христологической. При этом важен как первоначальный тезис иконоборцев (почитание икон ведет либо к несторианству, либо к монофизитству), выдвинутый ими на Иерийском соборе в 754 г. и развитый Константином V (741–775), так и ответ иконопочитателей, сформулированный патриархом Никифором Константинопольским, Феодором Студитом и участниками VII Вселенского собора 787 г.² Обвинение в иконоборчестве в последующие века становилось мощным оружием: любой полемист, утверждавший, что его противник является скрытым иконоборцем, обвинял его одновременно и во всех христологических ересьх первых веков христианства.

Во-вторых, иконоборческим спорам были имманентны дискуссии о пределах власти императора и о возможности сопротивления императорской власти, насаждающей еретическое учение³. Следовательно, любое упоминание этих споров неизбежно актуализировало и подобную проблематику. Обвинить в иконоборчестве действующую светскую или церковную власть – значит напомнить о прецеденте, когда конкретные императоры и иерархи в конечном счете были признаны безбожными, и соответственно, санкционировать активное сопротивление.

Два этих аспекта актуализации (богословско-полемический и политический) по-разному представлены в разных жанрах и в разные эпохи.

Политические аналогии прочитываются в агиографических произведениях, прославляющих защитников иконопочитания VIII–IX вв., но созданных в последующие столетия. Такова ситуация с «Житием Феофана и Феодора Начертанных» Феодоры Раулены (ВНГ 1793), которая провела параллели между униатской и иконоборческой политикой, найдя переключки между судьбами императрицы Феодоры и братьев Начертанных, с одной стороны, и своих родственников, пострадавших

² *Острогорский Г. А.* Соединение вопроса о святых иконах с христологической догматикой православных апологетов раннего периода иконоборчества // *Seminarium Kondakovianum*. 1927. Т. 1. Р. 35–48; *Alexander P. J.* The Patriarch Nicephorus of Constantinople: Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxford, 1958. Р. 43–53.

³ *Афиногенов Д. Е.* Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (787–847 гг.). М., 1997. С. 116–131; *Auzépy M.-F.* Le Christ, l'empereur et l'image (VIIe – IXe siècle) // *ΕΥΨΥΧΙΑ* : mélanges offerts à Hélène Ahrweiler. Paris, 1998. Р. 35–47; *Dagron G.* Empereur et prêtre: étude sur le «césaropapisme» byzantin. Paris, 1996. Р. 169–200.

за сопротивление политике Михаила VIII Палеолога, – с другой⁴. Сходную картину мы видим и в случае анонимного мученичества Феодосии Константинопольской XIII в. (ВНГ 1777z), в котором под именем Константина V вновь выведен Михаил VIII⁵. Богословский аспект более заметен в исторических и полемических сочинениях, а также в соборных постановлениях. Особую значимость он приобрел в начале царствования Алексея I Комнина (1081–1118), когда спор о праве императора изымать церковную собственность для покрытия военных расходов спровоцировал переосмысление формулировок VII Вселенского собора о служебном и относительном поклонении⁶.

И все же никогда после 843 г. обвинение в иконоборчестве не играло столь заметной роли, как в середине XIV в., когда участники исихастской полемики выдвинули взаимные обвинения в иконоборчестве, опираясь на труды защитников иконопочитания, почти забытые в предшествующие столетия.

Подчеркнем, что обвинение в иконоборчестве рассматривается нами исключительно как полемический прием. Мы намеренно дистанцируемся от дискуссии о том, можно ли усмотреть действительные иконоборческие тенденции в догматике последователей Григория Паламы и их противников, и ограничимся лишь самыми общими ссылками. Согласно И. Мейендорфу, «исихасты, хотя и не разделяя иконоборчество богомилов, сдержанно относились к некоторым современным формам почитания икон»⁷. Сходного мнения придерживаются и другие исследо-

⁴ Talbot A.-M. *Bluestocking Nuns: Intellectual Life in the Convents of Late Byzantium* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1983. Vol. 7. P. 615; Луховицкий Л. В. Миссия прп. Михаила Синкелла и братьев Начертанных в источниках IX–XIV вв.: Принципы метафразы и историческая память об иконоборчестве // *Вестник ПСТГУ. Сер. 3: Филология*. 2013. Вып. 4 (34). С. 66–67.

⁵ Kountoura-Galake E. *Constantine V Kopronymos or Michael VIII Paleologos the New Constantine? The Anonymous Encomium of Saint Theodosia* // *Βυζαντινά σύμμεκτα*. 2002. Т. 15. Σ. 183–194.

⁶ Γλαβίνας Α. Α. *Ἡ ἐπὶ Ἀλεξίου Κομνηνοῦ (1081–1118) περὶ ἱερῶν σκευῶν, κειμηλίων καὶ ἁγίων εἰκόνων ἔρις (1081–1095)*. Θεσσαλονίκη, 1972; Lourié B. *Une dispute sans justes: Léon de Chalcédoine, Eustrate de Nicée et la troisième querelle sur les images sacrées* // *Studia Patristica*. 2006. Vol. 42. P. 321–339; Луховицкий Л. В. Споры о святых иконах при Алексее I Комнине: полемические стратегии и выбор источников // *ВВ*. 2014. Т. 73 (98). С. 88–107.

⁷ Иоанн (Мейендорф), *протопресв.* Жизнь и труды святителя Григория Паламы: введение в изучение. СПб., 1997. С. 38.

ватели⁸, в то же время, сложно не заметить параллелей между учением Паламы и догматом иконопочитателей о присутствии на иконе нетварных божественных энергий⁹. Д. И. Макаров, анализируя некоторые из рассматриваемых нами источников с точки зрения преемственности логико-терминологического аппарата, приходит к выводу об опоре паламитов (прежде всего Феофана Никейского) на труды иконопочитателей и осознанном стремлении антипаламитов (прежде всего Никифора Григоры) исказить их в еретическом духе¹⁰.

Основным источником сведений о позициях иконоборцев и их противников для авторов XIV в. стали труды Никифора, патриарха Константинопольского (806–815)¹¹. Из его наследия авторов XIV в. интересовали только два сочинения. Первое известно под условным названием «*Apologeticus atque Antirrheticus*». Оно состоит из четырех частей («Большой Апологетик» и три «Антирретика») и представляет собой своеобразное обращение к восстановившему в 815 г. иконоборчество Льву V Армянину, замаскированное под опровержение богословского учения Константина V¹². Второе, известное как «Против Евсевия»¹³, дополняет первое, опровергая одно из свидетельств в пользу иконоборчества, цитировавшееся противниками Никифора. Речь идет о знамени-

⁸ Rigo A. *Monaci esicasti e monaci bogomili: le accuse di messalianismo e bogomilismo rivolte agli esicasti ed il problema dei rapporti tra esicismo e bogomilismo*. Firenze, 1989. P. 248–254; Μόσχος Δ. Οἱ φιλοσοφικὲς προϋποθέσεις τοῦ Ἀντιρρητικισμοῦ τοῦ Νικηφόρου Γρηγοῦρά. Αθήνα, 1994. Σ. 85.

⁹ Лурье В. М. Работы Антонио Риго по истории византийского исихазма // ВВ. 1994. Т. 55 (80). С. 334.

¹⁰ Макаров Д. И. Из комментариев к поздневизантийским текстам. Заметка первая: Св. Феофан Никейский, апостол Павел и богословская традиция иконопочитателей: К постановке проблемы // Проблемы теологии. Екатеринбург, 2007. Вып. 4. С. 114–134.

¹¹ Подробнее о биографии патриарха Никифора см.: Alexander P. J. *The Patriarch Nicephorus...* P. 54–155; Pratsch Th. *Nikephoros I. (806–815)* // *Die Patriarchen der ikonoklastischen Zeit* / hrsg. R.-J. Lilie. Frankfurt am Main, 1999. S. 109–147; PmbZ. 2000. Bd. 3. Nr. 5301.

¹² Луховицкий Л. В. История первого периода иконоборчества и актуальная политика в «*Apologeticus atque Antirrheticus*» патриарха Никифора Константинопольского // ВВ. 2009. Т. 68 (93). С. 59–74; Alexander P. J. *The Patriarch Nicephorus...* P. 167–173.

¹³ *Nicephori Constantinopolitani Eusebii Caesariensis confutatio* // *Spicilegium Solesmense complectens sanctorum patrum scriptorumque ecclesiasticorum anecdota hactenus opera* / ed. J. B. Pitra. Parisiis, 1852. Vol. 1. P. 371–503.

том послании Констанции Августе, сестре Константина Великого, традиционно приписывавшемся Евсевию Кесарийскому. Аутентичность этого послания не раз ставилась под сомнение¹⁴, однако в нашем случае достаточно подчеркнуть, что сам Никифор как автор опровержения вряд ли сомневался в достоверности такой атрибуции¹⁵. Недавнее исследование рукописной традиции трактатов показало, что «Против Евсевия» следует рассматривать не как самостоятельное произведение, а как завершающий раздел «*Apologeticus atque Antirrheticus*»¹⁶.

Эти произведения Никифора обильно цитировались авторами середины и второй половины XIV в. Однако все они пребывали в неведении относительно их истинного автора, ссылаясь на них как на сочинения другого исповедника второго периода иконоборчества, Феодора Начертанного¹⁷. Оригинальные сочинения Феодора, о которых мы знаем благодаря «Энкомию Феодору» Феодана Кесарийского (ВНГ 1745z) и анонимному «Житию Михаила Синкелла» (ВНГ 1296), не сохранились. Вопрос о времени, к которому восходит ложная атрибуция (предлагались различные датировки от X до XIV в.), а также о ее причинах далек от окончательного разрешения¹⁸.

Сравнительный анализ фрагментов из сочинений Никифора (Псевдо-Феодора Начертанного) у авторов XIV в.¹⁹ показал что впервые они

¹⁴ Подробнее см.: *Chrysostalis A. Recherches sur la tradition manuscrite du Contra Eusebium de Nicéphore de Constantinople*. Paris, 2012. P. 19–26.

¹⁵ Ibid. P. 26.

¹⁶ *Chrysostalis A. La reconstitution d'un vaste traité iconophile écrit par Nicéphore de Constantinople // Semitica et classica*. 2009. Vol. 2. P. 203–215.

¹⁷ *PmbZ*. 2001. Bd. 4. Nr. 7526.

¹⁸ Подробнее история изучения вопроса была изложена нами в статье: *Lukhovitskij L. Historical Memory of Byzantine Iconoclasm in the 14th c.: The Case of Nikephoros Gregoras and Philotheos Kokkinos // Aesthetics and Theurgy in Byzantium / ed. S. Mariev, W.-M. Stock*. Boston; Berlin, 2013. P. 208–209. А. Хрисосталис в работе, которая не была нами учтена при написании этой статьи, предполагает, что ложная атрибуция впервые возникла в константинопольском монастыре Хора еще до XIV в. См.: *Chrysostalis A. Recherches sur la tradition...* P. 48–49.

¹⁹ См. список, приведенный в статье: *Lukhovitskij L. Historical Memory...* P. 210–213. К нему необходимо добавить Прохора Кидониса, эксплицитно ссылающегося на Никифора (Псевдо-Феодора). См.: *Prochoros Cydones. De lumine Thaborico // Theologica varia inedita saeculi XIV / ed. J. Polemis*. Turnhout, 2012. Cap. 27.34–37.

были введены в оборот Никифором Григорой²⁰ ок. 1347 г. Другие авторы, в том числе те, кто имел доступ к полному тексту Никифора (среди них патриарх Филофей Коккин, Иоанн VI Кантакузин и антипаламит Иоанн Кипариссиот), создавали свои произведения несколько позже и уже в качестве ответной реакции на сочинения Григоры²¹. Ситуация осталась неизменной и в XV в.: Геннадий Схоларий в 1445 г. пишет небольшое рассуждение «О высказывании блаженного Феодора Начертанного, из-за которого шумят суетумудрые последователи Акиндина», в котором прямо говорит, что слова Никифора (Псевдо-Феодора) продолжают в первую очередь цитироваться именно антипаламитами²².

Подчеркнем, что речь идет не о зарождении обвинения в иконоборчестве в адрес исихастов, а лишь об использовании в этой связи свидетельств из Никифора. Обвинение в иконоборчестве было известно в рамках исихастских споров и раньше (как часть более общего обвинения в ересь мессалианства и богомилства), уже с «Афонского томоса» 1344 г.²³ В то же время, идея использовать труды Никифора, стала «настоящим открытием»²⁴ именно Никифора Григоры. Однако даже и в этом случае речь преимущественно шла не об иконоборческих практиках как таковых (уничтожении или поругании икон), а лишь о богословских импликациях учения иконоборцев, которые усмотрел Никифор. Самой растиражированной цитатой-формулой из Никифора у авторов XIV в. (известной Григоре, Феодору Дексию, Иосифу Калофету, Иоанну Кипариссиоту и Иоанну Кантакузину) стали слова «сущность Божия не может быть безэнергийной, а энергия – бессущностной»²⁵. При этом сам Никифор вовсе не утверждал, что его оппоненты-иконоборцы напрямую заявляли обратное. Тезис о взаимосвязи сущности и энергии представлял собой лишь один из множества аргументов в споре об описуемости Христа.

²⁰ PLP, Nr. 4443.

²¹ *Lukhovitskiy L. Historical Memory...* P. 213–219.

²² *Œuvres complètes de Georges (Gennadios) Scholarios* / ed. M. Jugie, L. Petit, X. A. Siderides. Paris, 1930. Vol. 3. P. 204–228.

²³ *Rigo A. Monaci esicasti...* P. 167–168, 198–200.

²⁴ Μόσχος Δ. Οἱ φιλοσοφικὲς προϋποθέσεις... Σ. 85.

²⁵ *Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Antirrhethici tres. Apologeticus pro sacris imaginibus* // PG. 1865. T. 100. Col. 304C–D.

Впервые Григора обратился к сочинениям Никифора в «Первых Антирретиках»²⁶. Затем он вновь использовал их при составлении богословско-полемических глав «Ромейской истории». Это главы 19–20 и 23–24, которые были написаны в июне/августе 1352 г.²⁷, а также главы 30 и 32–34, созданные весной/летом 1355 и летом/осенью 1356 г. соответственно²⁸. «Вторые Антирретики» Григоры (ок. 1358 г., согласно М. Папароцци), которые сохранились в рукописи Laug. gr. LVI. 14 и остаются по сей день неизданными, также включают многочисленные цитаты из Никифора. Тем не менее, эти цитаты не представляют большого интереса, поскольку содержатся в главах VI B–D, совпадающих почти дословно с главами 32–34 «Ромейской истории»²⁹.

Используя в полемике труды автора, долгие годы пребывавшего в безвестности, Григора сталкивался с очевидными трудностями. Требовалось доказать, что свидетельства, на которые он ссылается, достаточно авторитетны и могут служить аргументом в споре. То, что в середине 1350-х гг. это еще не стало общепринятой точкой зрения, подтверждает рассказ самого Григоры о диспуте, состоявшемся летом/осенью 1356 г. в константинопольском монастыре Мангана в присутствии уже отрешенного от престола Иоанна Кантакузина. Согласно Григоре, после того как он привел в подтверждение своих слов некое свидетельство из Никифора (Псевдо-Феодора), один монах из окружения Кантакузина заявил следующее: «Какой же церкви он [Феодор Начертанный. – Л. Л.] известен? Кто из наших <единоверцев>³⁰ совершает его память? <...> Все книги против иконоборцев, которые ему приписаны, полны ужасных ересей. Если кто-то другой намеренно подделал их и надписал его имя, то сам он будет оправдан, а его книги – нет. Если же они, действи-

²⁶ Согласно Х.-Ф. Байеру, он начал работу над ними в 1346–1347 гг. См.: Nikephoros Gregoras. *Antirrhetica I.* / hrsg. H.-V. Beyer. Wien, 1976. P. 111 (далее – Gregoras. Ant.).

²⁷ Nikephoros Gregoras. *Rhomäische Geschichte (Historia Rhomaïke)* / übers. und erl. von J. L. van Dieten. Stuttgart, 1994. 4. Teil. S. 1–5.

²⁸ Nikephoros Gregoras. *Rhomäische Geschichte (Historia Rhomaïke)* / übers. und erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart, 2007. 6. Teil. S. 41, 86.

²⁹ Paparozzi M. Appunti per lo studio degli inediti Antirrhetici posteriores di Niceforo Gregoras // Atti della Accademia nazionale dei Lincei. Rendiconti Lincei. Scienze morali, storiche e filologiche. 1973. Vol. 28. P. 929.

³⁰ Перевод по эмэндации ἡμετέρων (Nikephoros Gregoras. *Rhomäische Geschichte*. 4. Teil. S. 92). Перевод при сохранении чтения Боннского издания ἡμερῶν: «В какой из дней совершается его память?».

тельно, принадлежат ему, то он будет вместе с этими книгами извержен и сопричислен прочим еретикам»³¹.

В ответ Григора, вероятно, ожидавший подобной реакции, произнес пространную апологетическую речь, в которой по пунктам опроверг все претензии противников³²: Феодора почитают «все церкви благочестивых» и его подвиги «всякий год воспевают сонмы риторов и преподобных песнописцев». Отметим, что подобные утверждения требовали от Григоры определенной подготовки. Известно, что первоначальные сведения о Феодоре Начертанном он получил из ранней версии «Жития Михаила Синкелла», переработкой которой он занимался еще в 1320-е гг. в монастыре Хора³³. Однако к 1356 г. ему удалось познакомиться с новыми источниками: рассказывая об исповедничестве Феодора, он обильно цитирует «Житие Феодора Начертанного» Симеона Метафраста³⁴ и канон в честь Феодора, составленный его братом Феофаном³⁵.

Противостоять столь фундированной аргументации было весьма непросто, поэтому противники Григоры сменили тактику. Уже вскоре они предприняли попытки переинтерпретировать предложенные Григорой цитаты в нужном им смысле, то есть так, чтобы уличить в скрытом иконоборчестве можно было самих антипаламитов. Первые попытки такого рода относятся уже к 1356 г.: подобный полемический прием мы встречаем в «Речи против Никифора Григоры» Иосифа Калофета³⁶ и «Речи против Никифора Григоры» Григория Паламы³⁷. Эти авторы еще не обращаются к текстам Никифора напрямую в поисках дополнительных свидетельств, но, тем не менее, уже и не стараются поставить

³¹ Nicephori Gregorae Byzantina historia / ed. I. Bekker. Bonn, 1855. Vol. 3. P. 381.19 – 382.4 (далее – Gregoras. Historia).

³² Gregoras. Historia. Vol. 3. P. 382.9 – 389.17.

³³ Lukhovitskiy L. Nikephoros Gregoras' Vita of St. Michael the Synkellos: Rewriting Techniques and Reconstruction of the Iconoclast Past in a 14th cent. Hagiographical Metaphrasis // JÖB. 2014. Bd. 64. S. 177–196.

³⁴ См.: BHG 1746. Текстуальные параллели между рассказом Григоры (Gregoras. Historia. Vol. 3. P. 385.1 – 387.4) и «Житием Феодора» см.: Nikephoros Gregoras. Rhomäische Geschichte. 6. Teil. S. 95–96.

³⁵ Gregoras. Historia. Vol. 3. P. 387.4 – 388.11.

³⁶ О нем см.: PLP, Nr. 10615; сочинение написано в последние годы жизни (умер вскоре после 1355–1356 г.).

³⁷ О нем см.: PLP, Nr. 21546; сочинение написано незадолго до смерти (14 ноября 1357 г.).

под сомнение их авторитет³⁸. Вместо этого они берутся доказать, что Григора, приведя ту или иную аутентичную цитату из Никифора (Псевдо-Феодора), не смог сделать из нее правильные выводы. По словам Паламы, Григора, то есть «тот, кто бесчувственно валяется во рве, который сам соделал и упал»³⁹, пытается выставить против нас (προάγειν ἐπιχειρεῖ καθ' ἡμῶν) Феодора, несущего на челе знаки Христовы. Но он совершает ошибку и обращает его против себя самого (καθ' ἑαυτοῦ προβαλλόμενος)⁴⁰. По утверждениям Паламы, Григора намеренно «клеветнически искажает смысл» приведенных слов⁴¹. Калофет более мягко в формулировках: он говорит, что речь идет не об умышленном подлоге, а всего лишь о недопонимании со стороны Григоры, следовательно, изречения Никифора (Псевдо-Феодора) нуждаются в «однозначном толковании»⁴².

Истинного мастерства в использовании подобного приема достиг Филофей Коккин в «Одиннадцатой речи против Никифора Григоры»⁴³. Он признает, что Григора первым обратился к сочинениям Никифора (Псевдо-Феодора): «Изречения дивного Феодора <...> были привнесены в дискуссию не нами (οὐ παρ' ἡμῶν), а самим Григорой, причем, как он сам ошибочно полагал (καθάπερ αὐτὸς οὗτος κακῶς ὑπέιληφεν), против нас (καθ' ἡμῶν)»⁴⁴. По словам Коккина, Григора возлагал на эти свидетельства большие надежды, потрясая перед исихастами «иконоборцами и их нечестием как каким-то пугалом перед лепечущими мла-

³⁸ Слова Григоры о том, что Палама «бранит» (λοιδορῶν) Феодора (Gregoras. Historia / ed. L. Schopen. Vol. 2. P. 952.2), – явное полемическое преувеличение.

³⁹ Аллюзия на Пс 7:16.

⁴⁰ Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Συγγράμματα / ἐκδ. Π. Χρήστου. Θεσσαλονίκη, 1988. Т. 4. Σ. 327.13–16.

⁴¹ Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Συγγράμματα. Т. 4. Σ. 328.7.

⁴² Ἰωσήφ Καλοθέτου Συγγράμματα / ἐκδ. Δ. Τσάμη. Θεσσαλονίκη, 1980. Σ. 336.968–969.

⁴³ Традиционная датировка этого текста, основанная на упоминании Иоанна Кантакузина как «нашего державного святого самодержца» (т. е. до отречения в декабре 1354 г.), была поставлена под сомнение М. Папароцци. См.: Paparozzi M. Appunti per lo studio... P. 930–933, 938. Более вероятно, что оно написано после кончины Григоры (т. е. не раньше осени 1358 г.), а возможно, и после кончины патриарха Каллиста I в сентябре 1363. См.: Rigo A. L'Epistola a Menas di Gregorio Palamas e gli effetti dell'orazione // Cristianesimo nella storia. 1988. Vol. 9. P. 61.

⁴⁴ Φιλοθέου Κокκίνου Δογματικὰ ἔργα / ἐκδ. Δ. Β. Καϊμάκη. Θεσσαλονίκη, 1983. Т. 1. Σ. 453.1483–1487 (далее – Κόκκινος).

денцами»⁴⁵. Однако на деле он «не нас, как мнил, а себя показал согласным с иконоборцами»⁴⁶. Речения, приведенные Григорой в качестве неоспоримых свидетельств, обрушатся «на его собственную голову»⁴⁷, поскольку «именно ими (δι' αὐτῶν ἐκείνων) он был уличен в том, что мыслит и пишет нечто значительно более дурное, нежели иконоборцы»⁴⁸. В отличие от своих предшественников, сомневавшихся в благонадежности сочинений Никифора (Псевдо-Феодора), Коккин всячески подчеркивал, что они находятся в полном согласии со святоотеческой традицией: «Ты слышишь, Григора, этого учителя и исповедника истины, как он во всем согласен с богословами, что жили прежде него, апостолами и божественным Писанием?»⁴⁹.

Коккин вовсе не стремится заретушировать то обстоятельство, что первыми к сочинениям Псевдо-Феодора обратились не исихасты, которым он был «не очень знаком прежде»⁵⁰, а их противники. Напротив, Коккин готов даже иронизировать: «Я вынужден едва ли не благодарить философа [Григору. – Л. Л.] <...>, ведь он познакомил нас с этим великим учителем и его священным богословием»⁵¹. Вполне естественно поразить оппонента его собственным оружием: «Справедливо, чтобы философ слушал и слушался именно этих речений, тем более что это именно он первым привнес их в дискуссию»⁵².

Интерес к сочинениям Никифора (Псевдо-Феодора) не позволил Коккину удовольствоваться эксерптами, содержащимися у Григоры. Он сумел получить полный список трактатов Никифора⁵³ и, во-первых, сверить цитаты, приведенные Григорой, а во-вторых, существенно пополнить их список. Благодаря этой сверке выяснилось, что метод цитирования, использовавшийся Григорой, предполагает если не искажение,

⁴⁵ Κόκκινος. Σ. 414.241–242.

⁴⁶ Ibid. Σ. 421.467–468.

⁴⁷ Ibid. Σ. 460.1692–1693. Ср.: Σ. 464.1828.

⁴⁸ Ibid. Σ. 460.1694–1695.

⁴⁹ Ibid. Σ. 460.1720 – 461.1722. Ср.: Σ. 463.1814–1816; Σ. 468.1977–1978, 1985–1986; Σ. 475.2208–2210.

⁵⁰ Ibid. Σ. 468.1952.

⁵¹ Ibid. Σ. 478.2279–2282.

⁵² Ibid. Σ. 460.1699–1701.

⁵³ По мнению Дж. М. Физерстоуна, речь идет о том же кодексе (Pap. gr. 910), что ранее использовал сам Григора и который был у него похищен. См.: *Featherstone J. M. An Iconoclastic Episode in the Hesychast Controversy* // JÖB. 1983. Bd. 33. P. 187.

то опущение некоторых высказываний⁵⁴: «Первое, что мы можем сразу же сказать Григоре, это то, что и в этом случае он не привел слова учителя так, как они есть (ὡς ἔχουσι), но и здесь по своему обычаю изъясл бóльшую часть необходимого (πλεῖστά τινα τῶν ἀναγκαίων), искажая последовательность и порядок (ἀκολουθίᾳ καὶ τάξει) рассуждения»⁵⁵. Отметим, что антипаламитам также было важно подчеркнуть, что они работают с полным текстом трактата, а не выдержками. Именно с этой целью Иоанн Кипариссиот приводил не просто актуальную в данный момент цитату, а инципит сочинения Никифора, сам по себе не имеющий никакого отношения к затрагиваемой проблематике⁵⁶.

Тем не менее, именно Григора достиг наивысшего мастерства в использовании в полемике цитат из Никифора. Он полагал, что эти свидетельства станут самым сильным аргументом в споре и он сумеет «извлечь их из его книг, как смертоносный меч из священного оружехранилища» и поразить с их помощью своих противников⁵⁷.

По словам Григоры, «все старание и конечная цель уловки проклятого [Паламы. – Л. Л.] заключается в том, чтобы в Божию церковь прокралось иконоборчество»⁵⁸. Паламитов с иконоборцами в его трактовке роднит не только догматика, но и приемы ведения полемики: если те сначала «под некими благовидными предлогами» запретили всего лишь прикасаться к иконам, и только затем «незаметно с течением времени довели безумное злодейство до предела», то Палама, «подражая им как первообразу» (καθ' ἅπερ ἔξ ἀρχαίου τῆν μίμησιν ἐκεῖθεν ἀρπάζοντι), на словах не отвергает вездесущие Божие, но при этом вводит для Божией сущности термин «высшая божественность», чем неизбежно ее ограничивает⁵⁹.

Подобное обвинение (еретики намеренно не заявляют на первых порах ничего крамольного, чтобы усыпить бдительность доверчивых христиан, и только затем приоткрывают свое истинное лицо) было ха-

⁵⁴ Ср. высокие оценки филологической честности Григоры в современной научной литературе: Красиков С. В. Метод анализа сочинений отцов церкви, предложенный Никифором Григорой в 1334/35 гг. // ВВ. 2003. Т. 62 (87). С. 123–132.

⁵⁵ Κόκκινος. Σ. 447.1303–1306.

⁵⁶ Ioannes Kyparissiotēs. Adversus Cantacuzenum // Theologica varia inedita saeculi XIV. Cap. 24.2–4.

⁵⁷ Gregoras. Historia. Vol. 2. P. 1138.20–21.

⁵⁸ Gregoras. Ant. P. 309.17–19.

⁵⁹ Ibid. P. 297.17–24.

рактерно для иконоборческих споров. Патриарх Фотий в 16-й гомилии⁶⁰ специально подчеркивает коварство иконоборцев: «Сначала они изображают благочестие и только затем понемногу обнажают нечестие, новыми и неоднозначными выражениями прикрывая дерзкое богохульство. А как только приучат слушателей к потаенному нечестию, тотчас они целиком выпустят уже чистый яд своего нечестия»⁶¹. Сравним обвинение, выдвинутое Григорой: по его словам, Палама находит в Писании и житиях святых удобные ему упоминания о Божественном свете, которые были бы «привычны ушам верующих», а затем «в дальнейшем рассуждении сбрасывает личину (προσωπεῖον) и софизмы, и взвалив себе на плечи мешки силлогизмов, как если бы он только что явился из Стои Сократа и Академии софистов, с великой надменностью открыто проповедует нечестие уже без всякого притворства и игры (χωρίς σκηνῆς καὶ δράματος)»⁶².

Будучи близки, «ересь паламизма» и иконоборчество могут быть подвергнуты сравнению, поскольку ничто нельзя рассматривать «само по себе» (καθ' αὐτὸ), но только в сопоставлении «с однородным» (πρὸς τὰ ὁμόφυλα)⁶³. В результате такого сопоставления окажется, что иногда можно говорить о «подобии», а подчас – даже и о «превосходстве» в нечестии со стороны Паламы⁶⁴, поскольку «нечестивец превзошел всех иконоборцев, добавив к прежнему новое большее зло»⁶⁵.

Следующим шагом становится логический вывод, позволяющий обосновать необходимость использования в полемике цитат из авторов, противостоявших еретикам прежних эпох: «Те, кого соединил не Бог, но Дьявол, должны вместе отведасть одних стрел и ран»⁶⁶. По словам Григоры, всякий способен «соотнести (συμβάλλειν) обличения этого великого божественного отца [Никифора (Псевдо-Феодора). – Л. Л.] с богохульствами [Паламы. – Л. Л.], и наоборот – богохульства с обличениями»⁶⁷, благодаря чему станет ясно, что слова Псевдо-Феодора мо-

⁶⁰ Обоснование датировки 861 г. см.: Афиногенов Д. Е. Арианские споры в гомилиях патриарха Фотия (гомилии XV и XVI) // Вестник ПСТГУ. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 4 (59). С. 28–39.

⁶¹ Φωτίου Πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως Λόγοι καὶ ὁμιλίαι / ἐκδ. Σ. Αἰσιτάρχου. Κωνσταντινουπόλις, 1900. Τ. 1. Σ. 283.

⁶² Gregoras. Ant. P. 277.10–15.

⁶³ Ibid. P. 319.1–2.

⁶⁴ Ibid. P. 317.26–27.

⁶⁵ Ibid. P. 321.2–3.

⁶⁶ Ibid. P. 233.10–11.

⁶⁷ Gregoras. Historia. Vol. 2. P. 946.9–11.

гут с полным правом использоваться для опровержения исихастов. Благодаря подобным ремаркам становится ясна общая ересиологическая концепция Григоры. По его словам, еретики «иногда согласные между собой, а иногда превосходящие друг друга во зле, вступают в общение как аспид с ехидной и волк с лисой, обмениваясь злом и заключая звериные союзы»⁶⁸. Григора уподобляет Паламу варварам, взрезающим себе вену на лбу и примешивающим кровь к питью, чтобы оно стало «залогом крепчайшей дружбы»⁶⁹. Однако Палама, желая скрепить дружбу с Евномием и мессалианами, «решил не взрезать одну из вен на лбу, но вскрыл все источники гнездившихся в душе ересей и в полной мере приобщился к их лукавому учению»⁷⁰.

В философии Григоры все ереси представляют собой одно и то же возрождающееся и крепнущее раз от раза заблуждение. Учение Паламы представлено как обобщение и логическое завершение всех прежних ересей: «И в наше время мы видим шайку Паламы, которая оставила далеко позади всех предшественников, как если бы сама жизнь стала подражать ораторам и в эти последние времена взялась через этих нечестивцев за подведение итогов и обобщение (ἀνακεφαλαιούμενου καὶ ὥσπερ ἐπανάλειψιν ποιοιμένου), сплетая и являя соединенными все когда-либо возникавшие ереси»⁷¹. Биться с подобным противником так же сложно, как стрелять из лука по движущейся мишени, поскольку ересь, оставаясь неизменной по существу, постоянно видоизменяется подобно Протею⁷². Написав множество еретических книг, они «разным людям показывают разные, применяя яды злодейства сообразно природе каждого», то есть являют лишь тело ереси, так что становится невозможно определить, сколько сокрыто голов: одна, две, три как у Цербера или еще больше как у гидры⁷³.

В ересиологии Григоры типологический принцип главенствует над хронологическим: «Сходства в манере (τρόπων ὁμοιότητες) неким образом сокращают временную дистанцию (χρονικὰς διαστάσεις) и одновременно показывают, есть ли отклонение в большую или меньшую сторону»⁷⁴. Следовательно, определенные хронологические несоответствия простительны, если они объясняются стремлением показать сущ-

⁶⁸ Gregoras. Ant. P. 251.22–26.

⁶⁹ Вероятно, аллюзия на сообщение о скифах в «Истории» Геродота (IV 70).

⁷⁰ Gregoras. Ant. P. 253.12–14.

⁷¹ Ibid. P. 153.5–10.

⁷² Ibid. P. 153.15–22.

⁷³ Ibid. P. 155.2–10.

⁷⁴ Ibid. P. 221.2–4.

ностную связь явлений. В трактовке Григоры парадоксальным образом оказывается, что Евсевий Кесарийский, которого цитировали иконоборцы и опровергал Никифор, — едва ли не современник иконоборческих споров. Во всяком случае, хронологическим разрывом можно пренебречь: «Я покажу это на примере богословов, боровшихся в то время с ересью, из соображений краткости выставив вперед Феодора Начертанного, который вступил в бой с Евсевием, первым из выдающихся иконоборцев того времени (τῶν τότε λογίων εἰκονομάχων τῷ πρώτῳ)»⁷⁵. Сходные выражения использует и ученик Григоры, Исаак Аргир: «приведем сами слова иконоборцев, составленные Евсевием, одним из их предводителей (ἐνὸς τοῦ ἐκείνων προϊσταμένου). Что говорит он в послании к <правившей> тогда царице? (τὴν τότε βασίλισσαν)»⁷⁶. Подобная формулировка не позволяет понять, осознает ли автор, что «тогда» должно относиться не к IX, а к IV в.

Отметим, что их противник Филофей Коккин ведет себя несколько иначе. Он не боится показать хронологический разрыв между иконоборцами и Евсевием, говоря, что уже ко времени Феодора Начертанного тот «был давно (πάλα) изгнан вместе с арианами»⁷⁷. Это утверждение позволяет Коккину совместить обвинения в иконоборчестве и арианстве⁷⁸. В свою очередь Григора, хотя и говорит об Арии как о «первом отце» Паламы⁷⁹, никогда не связывает напрямую Ария и Евсевия. Арианство для него (равно как и евномианство) это «давно уснувшее и в течение долгого времени неведомое зло»⁸⁰, а вовсе не актуальная угроза (как иконоборчество).

О том, что иконоборчество для Григоры всегда стояло особняком по отношению к прочим ересям, свидетельствует послание игумену Хортаитского монастыря Максиму, написанное еще до конфликта с паламитами (1330–1335 гг.). Прославляя свой родной город, Гераклею Понтийскую, Григора упоминает, что из него были изгнаны «сначала весь <сонм> ересей (πάμπαν τὸ τῶν αἰρέσεων μὲν πρότερον), а позже дерзости иконо-

⁷⁵ Gregoras. Ant. P. 313.1–3. О «раздваивании» образа Евсевия у авторов XIV в. см.: *Lukhovitskiy L. Ασεβῆς Εὐσέβιος: Eusebius' of Caesarea Image in 14th Century Byzantium and its Sources* // BS. 2014. Vol. 72. P. 234–246.

⁷⁶ *Candal M. Argiro contra Dexio* // ОCP. 1957. Т. 23. Р. 94.19–21.

⁷⁷ Κόκκινος. Σ. 447.1315 – 448.1316.

⁷⁸ Ibid. Σ. 448.1327–1328; Σ. 440.1840–1841.

⁷⁹ Gregoras. Ant. P. 269.6.

⁸⁰ Ibid. P. 271.1–2.

борчества (τὰ τῆς εἰκονομαχίας δ' ὅστερον ὑβρίσματα)»⁸¹. В такой интерпретации иконоборчество оказывается не одной из множества ересей, а некоей сверхересью, равновеликой по нечестию всей совокупности прежних.

Если в сочинении богословско-полемического жанра некоторые вольности в обращении со временем допустимы, то в историческом произведении можно было бы ожидать большей точности в хронологических деталях. Тем не менее, и в «Ромейской истории» Григора говорит о Евсевии как о современнике иконоборцев: «Феодор <...> украсил Церковь Божию и иным множеством священных книг, но прежде всего теми, что он составил против иконоборцев, вступив в схватку с сочинениями нечестивого Евсевия, который в то время слыл первым книжником (τοῦ τότε τὰ πρῶτα φέροντος ἐν λόγοις)»⁸².

Напротив, рамки исторического жанра позволили Григоре провести еще более убедительные исторические параллели между исихастами и иконоборцами. Задача, которую, как представляется, ставил перед собой Григора, обращаясь к периоду иконоборчества, выходила за рамки простого сравнения ересей. Речь шла о сложной системе богословских и политических аллюзий, позволявших продемонстрировать внутреннюю связь и сходство разделенных пятью веками эпох. Этого удавалось достичь благодаря схематизации и сведению истории иконоборчества к противостоянию нескольких фигур, чьи исторические роли воспроизводили в эпоху исихастских споров уже современники Григоры. Основными участниками иконоборческого конфликта в интерпретации Григоры оказывались Евсевий Кесарийский (предводитель еретиков), император Феофил (тиран и покровитель еретиков) и Феодор Начертанный (победитель ереси). Их «отражениями» в XIV в. были соответственно Григорий Палама, Иоанн Кантакузин и сам Никифор Григора.

Какие приемы позволяли добиться подобного эффекта? Во-первых, было необходимо показать, что именно Феодор Начертанный был основным участником иконоборческих споров и именно его исповедническое противостояние ереси в конечном счете привело к победе иконопочитания. Григора так рассказывает об иконоборчестве: «Когда вся власть и все должности были разделены между прислужниками этого недуга и все со всяческим усердием устремлялись по общему пути зла, когда едва ли не вся человеческая жизнь из-за изнеженности и тупоумия склонилась к лъстивому восхвалению царских указов, крайне малочисленны

⁸¹ Correspondance de Nicéphore Grégoras / texte éd. et trad. par R. Guillard. Paris, 1927. P. 165.7–8.

⁸² Gregoras. Historia. Vol. 3. P. 463.22 – 464.10.

были те, кто сохранял свободный разум и чье сердце пылало огнем <...> одним из них был Феодор, явивший великую мудрость в речах и великую телесную стойкость против вражеских ударов, благодаря чему засвидетельствовал твердость и незыблемость отеческих догматов и положил конец (ἐπαυσε) распространению этого зла»⁸³. Последние слова ясно указывают на то, что в понимании Григоры победителем ереси стал именно Феодор Начертанный, а не патриарх Мефодий или же императрица Феодора (фигуры, подходящие на эту роль значительно лучше). К тому же выводу подталкивает и подобное представление: «Феодора, изгнавшего (ἐλάσαντος) мудрейшими речами иконоборчество, как прежде афиняне изгнали Килонову скверну из Афин»⁸⁴.

Предваряя одну из цитат, Григора так говорит о Феодоре Начертанном: «В настоящем изложении я опушу возражения прочих святых, обратившись лишь к одному мудрецу и божественному учителю, который и в те времена (τῆνικαῦτα μὲν) противостоял иконоборчеству, претерпел множество страданий, составил множество опровержений и полностью до самого основания (διὰ τέλους ἄχρι καὶ τῶν ἀτόμων) сокрушил (καθηγηρότι) это заблуждение как Вавилонскую башню, и ныне подобным же образом (καὶ νῦν ὁμοίως) сокрушает (καθαίρουντι) тех, кто страдает тем же недугом (τὰ ὅμοια νοσοῦντας)»⁸⁵. В данном случае нам важно не только усвоение Феодору решающей роли в победе над иконоборчеством, но и синтаксический параллелизм («в те времена» – «ныне», «сокрушил» – «сокрушает»), призванный создать у читателя ощущение, что эпоха иконоборчества как в зеркале отражается в эпохе исихастских споров. Феодор Начертанный как будто бы оживает и участвует в актуальной полемике: «Вы слышите, как Палама, учитель нынешней церкви, заявляющий то же, что и иконоборцы (Εἰκονομάχοις ταῦτά), поражается теми же стрелами (τοῖς αὐτοῖς βέλεσι) отца и учителя Церкви, смело выступающего в поход ради благочестия»⁸⁶.

В «Ромейской истории» Григора прямо говорит о своем замысле: «Моей целью и намерением души было <...> насколько это возможно защитить мудрого мученика за истину Феодора, на которого ныне (νῦν) явным образом клеветают паламиты, как тогда (τότε) иконоборцы, которым он противостоял (ἀντέστησεν) до самой смерти, ради Христа предав тело различным мучениям, а философствующий и искусный язык вооружив (ὀπλίσας) против учения врагов, которым и я сегодня (καὶ γὰρ

⁸³ Gregoras. Historia. Vol. 2. P. 1138.1–14.

⁸⁴ Ibid. P. 1089.17–18.

⁸⁵ Ibid. P. 948.5–11.

⁸⁶ Ibid. P. 1143.11–14.

τήμερον), уповая на оружие (ὅπλοις) его речей, противостояю и буду противостоять (ἀνθίσταμαι τε καὶ ἀντιστήσομαι) и не усташусь по мере сил повторить его подвиги (ἀνακακινίξειν ἄθλους) ради истины против тех, кто сегодня дерзает повторить ту ересь (τὴν αἵρεσιν ἐκείνην ἀνακακινίξειν)⁸⁷. Постоянные антитезы («ныне» – «тогда») и повторы («повторить подвиги» – «повторить ересь», «противостоял» – «буду противостоять») позволяют Григоре опрокинуть идеологическую и политическую ситуацию IX в. в XIV в. и заявить права на наследие Феодора Начертанного.

В интерпретации Григоры, такое духовное наследование полностью оправдано, поскольку и сам Феодор предвидел возрождение иконоборчества под новой личиной. По его словам, отцы Церкви создали опровержения и «оставили их нам, идущим им вослед, как залог вернейшего союзничества, ибо, просвещенные Божественным Духом, они предвидели это возрождение иконоборчества в конце времен, которое выносил и породил Палама, а власти и правители сего века и тьмы ради поругания отеческих догматов Церкви Божией на беду восприняли и вскормили»⁸⁸. Особого внимания заслуживают слова Григоры о «правителях сего века». Цитируя Никифора (Псевдо-Феодора), Григора никогда не обвиняет Иоанна Кантакузина напрямую в тирании, но за счет постоянного упоминания сопротивления Феодора Начертанного «тиранам, бесновавшимся тогда против божественных икон»⁸⁹, у читателя должно сложиться ощущение, что роль Феофила досталась именно Кантакузину.

То, как Григора строит обвинение, ясно показывает, что в Византии актуализация какого-либо периода, события или фигуры прошлого не равнялась сохранению объективной исторической памяти. Напротив, именно в силу того, что полемистам XIV в. (в первую очередь, Никифору Григоре) было необходимо придать конфликту эпохи иконоборчества актуальное звучание, историческая память о его участниках оказывалась существенно искажена. Уподобляя эпоху исихастских споров периоду иконоборчества, антипаламиты неизбежно переинтерпретировали и само иконоборчество. Стремясь представить исихазм как новое иконоборчество, они невольно превращали иконоборчество в *sui generis* древний исихазм, получая вместо проекции прошлого на настоящее, проекцию настоящего на прошлое. При этом на первый план выходили менее зна-

⁸⁷ Gregoras. Historia. Vol. 3. P. 458.6–18.

⁸⁸ Ibid. P. 463.8–16.

⁸⁹ Ibid. P. 463.4–5. Cp.: P. 385.16.

Л. В. Луховицкий

чимые фигуры (такие как Феодор Начертанный) или же исторические деятели, имеющие лишь косвенное отношение к рассматриваемому периоду (Евсевий Кесарийский), в то время как истинные защитники иконопочитания (патриарх Никифор) и идеологи иконоборчества (Константин V Копроним) оставались в тени.

Статья поступила в редколлегию 29.05.2015 г.

Луховицкий Лев Всеволодович

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Москва, Россия
Электронная почта: lukhovitskiy@gmail.com

Lev Lukhovitskiy

PhD (Philology), research fellow
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
119991, Moscow, Russia
e-mail: lukhovitskiy@gmail.com

Antičnââ drevnost' i srednie veka. 2015. Vol. 43. P. 243–263

DOI 10.15826/adsv.2015.43.015

LEV LUKHOVITSKIY

**«THOSE BROUGHT TOGETHER NOT BY GOD,
BUT BY THE DEVIL MUST SHARE
THE SAME ARROWS AND WOUNDS»:**

ACCUSATION OF ICONOCLASM IN NICEPHORUS GREGORAS

Abstract: Nicephorus Gergoras was the first polemicist of the XIVth century to bring an accusation of iconoclasm against Gregory Palamas and his partisans drawing upon Nicephorus' of Constantinople writings erroneously ascribed to Theodore Graptos. In the "First Antirretici" and "Historia Rhomaïke" he 1. Argued for the possibility of employing anti-iconoclastic testimonies in the Hesychast controversy; 2. Offered an original heresiological concept of genetic and typological connection between Iconoclasm and Palamism; 3. Created a complex system of political allusions and historical reflections, presenting Palamas as a new Eusebius of Caesarea, himself – as a new Theodore Graptos, and John VI Cantacuzene – as a new Theophilus.

Keywords: Iconoclasm, hesychasm, heresiology, Gregory Palamas, Nicephorus Gregoras, Nicephorus of Constantinople, Philotheus Coccinus, Eusebius of Caesarea, Theodore Graptos, John VI Cantacuzene

LITERATURE CITED

- AFINOGENOV, D. E. *Konstantinopol'skij patriarhat i ikonoborcheskij krizis v Vizantii (787–847 gg.)*. Moskva, 1997.
- AFINOGENOV, D. E. “Arianskie spory v gomilijah patriarha Fotija (gomilii XV i XVI)”. In *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo Gumanitarnogo Universiteta* 59 (2014). S. 28–39. (Ser. 2: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi).
- ALEXANDER, P. J. *The Patriarch Nicephorus of Constantinople: Ecclesiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire*. Oxford, 1958.
- ARISTARCHĒS, S. (ed.). *Phōtiou patriarchou Kōnstantinoupoleōs Logoi kai homiliai*. Kōnstantinoupolis, 1900.
- AUZEPY, M.-F. “Le Christ, l’empereur et l’image (VIIe – IXe siècle)”. In *Eupsychia: mélanges offerts à Hélène Ahrweiler*. Ed. M. Balard. Paris, 1998. P. 35–47.
- BEYER, H.-V. (ed.). *Nikephoros Gregoras. Antirrhetica I*. Wien, 1976.
- CANDAL, M. “Argiro contra Dexio”. In *Orientalia Christiana Periodica* 23 (1957). P. 80–113.
- CHRĒSTOU, P. K. (ed.). *Grēgoriou tou Palama Syngrammata*. Thessalonikē, 1988. T. 4.
- CHRYSSOSTALIS, A. “La reconstitution d’un vaste traité iconophile écrit par Nicéphore de Constantinople”. In *Semitica et classica* 2 (2009). P. 203–215.
- CHRYSSOSTALIS, A. *Recherches sur la tradition manuscrite du Contra Eusebium de Nicéphore de Constantinople*. Paris, 2012.
- DAGRON, G. *Empereur et prêtre: étude sur le «césaropapisme» byzantin*. Paris, 1996.
- FEATHERSTONE, J. M. “An Iconoclastic Episode in the Hesychast Controversy”. In *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik* 33 (1983). S. 179–198.
- GLABINAS, A. A. *Hē epi Alexiu Komnēnu (1081–1118) peri hierōn skeuōn, keimēliōn kai hagiōn eikonōn eris (1081–1095)*. Thessalonikē, 1972.
- GOULLARD, J. “Le Synodikon de l’Orthodoxie: édition et commentaire”. In *Travaux et Mémoires* 2 (1967). P. 1–316.
- GUILLAND, R. (ed.). *Correspondance de Nicéphore Grégoras*. Paris, 1927.
- Ioannes Kyparissiotēs. Adversus Cantacuzenum*. In *Theologica varia inedita saeculi XIV*. Ed. J. Polemis. Turnhout, 2012. P. 55–323.
- JUGIE, M., PETIT, L., SIDERIDES, X. A. (eds.) *Œuvres complètes de Georges (Gennadios) Scholarios*. Paris, 1930. Vol. 3.
- KAĪMAKĒS, D. V. (ed.). *Philotheou Kokkinou dogmatika erga*. Thessalonikē, 1972. T. 1.
- KOUNTOURA-GALAKE, E. “Constantine V Kopronymos or Michael VIII Paleologos the New Constantine? The Anonymous Encomium of Saint Theodosia”. In *Βυζαντινὰ σύμμεκτα* 15 (2002). Σ. 183–194.
- KRAŠIKOV, S. V. “Metod analiza sochinenij otcov cerkvi, predložennyj Nikiforom Grigorov v 1334/35 gg.” In *Vizantijskij Vremennik* 62 (2002). S. 123–132.
- LOURIE, V. M. “Raboty Antonio Rigo po istorii vizantijskogo isihazma”. In *Vizantijskij Vremennik* 55 (1994). S. 332–336.
- LOURIE, B. “Une dispute sans justes: Léon de Chalcédoine, Eustrate de Nicée et la troisième querelle sur les images sacrées”. In *Studia Patristica* 42 (2006). P. 321–339.

- LUKHOVITSKIY, L. V. "Istorija prvego perioda ikonoborcestva i aktual'naja politika v "Apologeticus atque Antirrheticus" patriarha Nikifora Konstantinopol'skogo". In *Vizantijskij Vremennik* 68 (2009). S. 59–74.
- LUKHOVITSKIY, L. V. "Missija prp. Mihaila Sinkella i brat'ev Nachertannyh v istochnikah IX–XIV vv.: principy metafrazy i istoricheskaja pamjat' ob ikonoborcestve". In *Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo Gumanitarnogo Universiteta* 34 (2013). S. 58–73. (Ser. 3: Filologija).
- LUKHOVITSKIY, L. "Historical Memory of Byzantine Iconoclasm in the 14th c.: the Case of Nikephoros Gregoras and Philotheos Kokkinos". In *Aesthetics and Theurgy in Byzantium*. Ed. S. Mariev, W.-M. Stock. Boston; Berlin, 2013. P. 205–233.
- LUKHOVITSKIY, L. "Ἀσεβὴς Εὐσέβιος: Eusebius' of Caesarea Image in 14th Century Byzantium and its Sources". In *Byzantinoslavica* 72 (2014). P. 234–246.
- LUKHOVITSKIY, L. "Nikephoros Gregoras' Vita of St. Michael the Synkellos: Rewriting Techniques and Reconstruction of the Iconoclast Past in a 14th cent. Hagiographical Metaphrasis". In *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik* 64 (2014). P. 177–196.
- LUKHOVITSKIY, L. V. "Spory o svjatyh ikonah pri Aleksej I Komninen: polemicheskie strategii i vybor istochnikov". In *Vizantijskij Vremennik* 73 (2014). S. 88–107.
- MAKAROV, D. I. "Iz kommentarijev k pozdnevizantijskim tekstam. Zametka pervaja: Sv. Feofan Nikejskij, apostol Pavel i bogoslovskaja tradicija ikonopochitatelej: k postanovke problemy". In *Problemy teologii* 4 (2007). S. 114–134.
- MEYENDORFF, J. *Zhizn' i trudy svjatitelja Grigorija Palamy: vvedenie v izučenie*. Sankt-Peterburg, 1997.
- MOSCHOS, D. N. *Hoi philosophikes proýpotheseis tou Antiësyxasmou tou Nikëphorou Grëgora* (Diss.). Athëna, 1994.
- Nicephori archiepiscopi Constantinopolitani Antirrheticus tres. Apologeticus pro sacris imaginibus*. In *Patrologiae graeca* 100 (1865). Cols. 205A – 832A.
- Nicephori Constantinopolitani Eusebii Caesariensis confutatio*. In *Spicilegium Solesmense complectens sanctorum patrum scriptorumque ecclesiasticorum anecdota hactenus opera*. Ed. J. B. Pitra. Paris, 1852. Vol. 1. P. 371–503.
- Nicephori Gregorae Byzantina historia*. Ed. I. Bekker, L. Schopen. Bonn, 1829–1855. 3 vols.
- Nikephoros Gregoras. Rhomäische Geschichte* (Historia Rhomaïke). Ed. J. L. van Ditten. Stuttgart, 1994. 4. Teil.
- Nikephoros Gregoras. Rhomäische Geschichte* (Historia Rhomaïke). Ed. F. Tinnefeld. Stuttgart, 2007. 6. Teil.
- OSTROGORSKY, G. A. "Soedinenie voprosa o svjatyh ikonah s hristologicheskij dogmatikoj pravoslavnyh apologetov rannego perioda ikonoborcestva". In *Seminarium Kondakovianum* 1 (1927). P. 35–48.
- PAPAROZZI, M. "Appunti per lo studio degli inediti Antirrheticus posteriores di Niceforo Gregoras". In *Atti della Accademia nazionale dei Lincei. Rendiconti Lincei. Scienze morali, storiche e filologiche* 28 (1973). P. 921–951.

Обвинение в иконоборчестве у Никифора Григоры

- PRATSCH, Th. "Nikephoros I. (806–815)". In *Die Patriarchen der ikonoklastischen Zeit*. Ed. R.-J. Lilie. Frankfurt am Main, 1999. S. 109–147.
- Prochoros Cydones. De lumine Thaborico. In *Theologica varia inedita saeculi XIV*. Ed. J. Polemis. Turnhout, 2012.
- RIGO, A. "L'Epistola a Menas di Gregorio Palamas e gli effetti dell'orazione" In *Cristianesimo nella storia* 9 (1988). P. 57–80.
- RIGO, A. *Monaci esicasti e monaci bogomili: Le accuse di messalianismo e bogomilismo rivolte agli esicasti ed il problema dei rapporti tra esicismo e bogomilismo*. Firenze, 1989.
- TALBOT, A.-M. "Bluestocking Nuns: Intellectual Life in the Convents of Late Byzantium". In *Harvard Ukrainian Studies* 7 (1983). P. 604–618.
- TSAMES, D. G. (ed). *Iōsēph Kalothetou syggrammata*. Thessalonikē, 1980.
- WINKELMANN, FR., LILIE, R.-J., LUDWIG, Cl. et al. (eds.). *Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867)*. Berlin; New York, 1998–2002. 7 Bde.